



СЕКЦИЯ 2. ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК [159.964.2 +1]:167/168

НОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ ИЛИ СОВРЕМЕННЫЙ МИФ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Вертель А.В., к. филос., н.,
преподаватель кафедры психологии

Сумской государственной педагогической университет имени А.С. Макаренко

Пасько Е.Н., к. филос., н.,
доцент кафедры психологии

Сумской государственной педагогической университет имени А.С. Макаренко

Статья посвящена исследованию методологических аспектов психоаналитического учения. Рассмотрены взаимосвязи между психоанализом и философией. Сделана попытка проанализировать отношение к психоанализу в системе миф – философия – наука.

Ключевые слова: философия, наука, психоанализ, сциентизм, антисциентизм.

Статья посвящена дослідженню методологічних аспектів психоаналітичного вчення. Розглянуті взаємозв'язки між психоаналізом і філософією. Зроблена спроба проаналізувати ставлення до психоаналізу в системі міф – філософія – наука.

Ключові слова: філософія, наука, психоаналіз, сциентизм, антисциентизм.

Vertel A.V., Pasko E.N. A NEW PSYCHOLOGY OR A MODERN MYTH: TO THE QUESTION OF METHODOLOGICAL VALIDITY OF THE PSYCHOANALYTIC CONCEPTS

The article is devoted to the investigation of methodological aspects of psychoanalytical learning. Inter-communication between philosophy and psychoanalysis is considered. Made an attempt to analyze the treatment to psychoanalysis in system myth – philosophy – science.

Key words: philosophy, science, psychoanalysis, scientism, antiscentism.

Постановка проблемы. Психоанализ как воплощение «неклассической психологии» возникает в условиях эпистемологического кризиса, в атмосфере общетеоретических споров о природе психического и на основе научного детерминизма. Пройдя путь от чисто биологической концепции (З. Фрейд), психоанализ трансформируется в культурологическую (К. Юнг) и собственно философскую версию (Ж. Лакан). Эволюция психоанализа и широкий спектр понятий и толкований его основных постулатов позволяет говорить о психоанализе как о теории, которая требует уточнения ее научного статуса.

Актуальность темы исследования определяется несколькими позициями: важностью критического исследования проблемы сознания в психоанализе; необходимостью адекватного включения психоаналитических идей в общую картину психологических и философских представлений о человеческой природе; возрастающим интересом к психоанализу в современном обществе.

Постановка задания. Цель статьи – рассмотреть вопрос о методологической

состоятельности психоаналитических концепций.

Изложение основного материала исследования. Размышления З. Фрейда о научности психоанализа нашли свое отражение в работе «Сопроотивление психоанализу». Непринятие его теории научным и философским сообществом вызывало определенное беспокойство и тревогу за ее будущее. В указанной работе находим следующее: «... психоанализ только страдает от того, что оказался между медициной и философией. Медики считают его пустым измышлением и не желают верить в то, что он, подобно любой другой естественной науке, основан на тщательном и трудоемком анализе эмпирических фактов; философы, соразмеряющие его со своими мудреными умственными построениями, считают неверными его исходные тезисы и придираются к тому, что основным психоаналитическим понятиям, – которые еще только складываются, – недостает ясности и четкости» [19, с. 199–200].

Среди исследований, посвященных психоанализу, можно выделить несколь-

ко основных направлений, в той или иной мере освещающих отношение психоаналитического учения к философии.

Л. Витгенштейн в исследованиях раннего периода, предложив концепцию философии как аналитической деятельности по прояснению логической структуры языка, не просто предвосхитил антиметафизический пафос неопозитивистов. Одно время он был своего рода гуру для венских ниспровергателей метафизики, которая была мнима и бессмысленна (Р. Карнап). Достоверно известно, что Л. Витгенштейн был хорошо знаком с работами З. Фрейда «Психопатология обыденной жизни» и «Исследования истерии», критически относился к психоаналитическим идеям, называя их «абсурдными» и «неудовлетворительными». В заметке «Культура и ценность» Л. Витгенштейн сравнивал психоаналитическую процедуру с вкушением плодов от древа познания: знания, которые при этом приобретаются, ставят перед нами новые этические проблемы, ничего не давая для их решения [3, с. 444]. Весьма любопытно и неожиданно сравнение собственной оригинальности с оригинальностью З. Фрейда. Как оказалось, она одного сорта – «оригинальность не семени, а почвы, при отсутствии каких-либо собственных семян» [3, с. 445–446].

Л. Витгенштейн критиковал психологов по тем же причинам, что и математиков. Он утверждал, что психология бесплодна из-за своей концептуальной путаницы. Но Л. Витгенштейн говорил об экспериментальных психологах, которые отталкиваются от мифологического видения природы психических процессов, взятого из обыденного языка, от видения, которое они принимают за экспериментальную основу своего исследования. Так в «Голубой и коричневой книге» он пишет: «Психоаналитики <...> введены в заблуждение своим собственным способом выражения, поскольку считают, что они сделали гораздо большее, нежели открытие новых психологических реакций» [4, с. 95].

С другой стороны, Л. Витгенштейн подверг суровой критике за мифологизм понимание математики своих учителей, Г. Фреге и Б. Рассела. Он критикует их платонизм, идею, согласно которой математика является объективной наукой. Для «платоников» числа и их взаимоотношения – реальные объекты, несмотря на то, что объекты эти не чувственные, а умопостигаемые. Л. Витгенштейн разработал конструктивистскую концепцию математики. Согласно ей числа являются конструкциями, своего рода результатами применения правил

и процедур, придуманных и установленных людьми. Математик не открывает законы математики, но и не изобретает их в угоду своему капризу. Он «играет» согласно определенным правилам, которые конструирует. Законы математики – это принятые последствия человеческой свободы конструирования. Для Л. Витгенштейна применение вычислений означает, что «исчисление применяется так, чтобы образовать грамматику языка», подобно тому, как устанавливаются правила в игре. Следовательно, математика – это всегда исчисление. А исчисление ничего не описывает. Вычисление – это игра, которая следует определенным правилам, его контуры – это позиции в игре. Значит, нет необходимости в логическом или математическом обосновании вычисления. Правила математической игры должны быть оправданы лишь применением («поступать именно так»). Л. Витгенштейн описал теорию З. Фрейда в терминах, близких к тем, в которых он описывал математику. Психоаналитик, интерпретируя сновидения, фактически конструирует особую игру. Эта деятельность не нуждается в «обосновании» научным методом. Она выражает свои собственные правила. Обнаруживается четкая параллель между двумя понятиями психоанализа – «объяснительным» и «конструктивным» «исчислением» и «вычислением» в математике. Некоторые реформы в психоанализе развиваются параллельно преобразованиям, разработанным Л. Витгенштейном для математики: «конструктивная» программа против «реалистской» и «платоновской» программ бессознательного [2, с. 127–130].

С точки зрения логического позитивизма, психоаналитическая теория не отвечает принципу верификации – процессу установления истинности научных утверждений посредством их эмпирической проверки в ходе наблюдения, измерения или эксперимента. С точки зрения этого принципа нет оснований считать, что психоанализ удовлетворяет требованиям верификации. Но многие представители логического позитивизма (О. Нейрат, Р. Карнап и некоторые другие) положительно относились к психоанализу, рассматривая теоретические положения З. Фрейда не в качестве «бессмысленной метафизики», а как естественную науку [6, с. 64]. Так, Ф. Франк (преемник А. Эйнштейна на кафедре теоретической физики Немецкого университета в Праге) настаивал на том, что с точки зрения логического позитивизма нет оснований опровергать психоаналитические теории. В фундаментальной работе



«Философия науки. Связь между наукой и философией» Ф. Франк рассуждает о философии науки как о «потерянном связующем звене» между философией и наукой. Он стремится дать философскую интерпретацию научным дисциплинам и установить их связи с различными направлениями в философии: «Как пример <...> научной психологии мы можем взять «глубинную психологию» <...>, основанную на теории Зигмунда Фрейда и известную под именем «психоанализа» [18, с. 391].

Впечатления молодого К. Поппера от психоанализа сыграли огромную, если не сказать решающую, роль в становлении собственной концепции критического рационализма. Как известно, К. Поппер, изучая математику, физику, историю музыки в Венском университете (1919–1924 гг.) увлекся психоаналитическими теориями и даже принимал участие в клинической работе А. Адлера. Показателен значительно более поздний пассаж К. Поппера, крайне иронично назвавшего К. Маркса, З. Фрейда и А. Адлера тремя великими создателями философии современного человека. Эти слова вложены в уста некоего «среднестатистического вульгарного марксиста». Если для К. Поппера К. Маркс был лжепророком, то два психоаналитика в компании с ним если и не дотягивают до статуса пророков, то уж явно – лжецы. Ирония К. Поппера неожиданно перекликается с иронией истории: сегодня без него трудно представить философию современного человека, даже если знания последнего ограничены знанием первого из этой троицы. Находясь под воздействием неопозитивистских идей, К. Поппер разочаровывается в психоаналитическом учении, что оказалось одной из причин поиска критерия для определения научного статуса различных теорий. Обращение к психоанализу для К. Поппера послужило отправной точкой для обоснования своих личных представлений о критериях науки и псевдонауки [9, с. 342–343].

По мнению К. Поппера, З. Фрейдом были выдвинуты гипотезы, которые не отвечают требованиям фальсифицируемости как критерия научности эмпирической теории. Теория, по мнению К. Поппера, будет фальсифицируемой и соответственно научной, если существует методологическая возможность ее опровержения с помощью постановки эксперимента, даже если такой эксперимент еще не был поставлен. Согласно этому критерию высказывания или системы высказываний содержат информацию об эмпирическом мире только в том случае, если их можно систематиче-

ски подвергать процедуре проверки, результатом которой и будет их опровержение. Таким образом, любая научная теория не может быть принципиально непроверяемой. Тем самым решается проблема демаркации, т. е. отделения научного знания от псевдонаучного – метафизического.

К. Поппер считал, что факты, которые находились в очевидном противоречии с фундаментальными положениями психоаналитической теории, вынуждали З. Фрейда выдвигать дополнительные гипотезы для сохранения первоначальных положений теории. Он ставил под сомнение научный статус таких дополнительных гипотез. Эти гипотезы, по мнению К. Поппера, заведомо не могут быть фальсифицированы эмпирически, что создает проблемы для эмпирической теории. Следовательно, исключается ситуация, при которой могла бы быть фальсифицирована первоначальная гипотеза. Таким образом, тактика выдвижения дополнительных гипотез для защиты фундаментальных положений психоанализа находится в противоречии с требованиями возможной фальсификации. Этот вывод является основным аргументом в рассмотрении психоанализа как псевдонаучной теории.

З. Фрейд подчеркивает, что психоанализ основан на «клинических наблюдениях», а это, стоит на своем К. Поппер, не отвечает действительности, ибо «клинические наблюдения, которые, как наивно полагают психоаналитики, подтверждают их теорию, делают это не в большей степени, чем ежедневные подтверждения, обнаруживаемые астрологами в своей практике» [13, с. 247]. Для К. Поппера клинические наблюдения могут выступать лишь интерпретациями в свете теорий или гипотез. В работе «Знание и психофизическая проблема. В защиту взаимодействия» К. Поппер снова обращается к психоанализу: «Невозможно проверить его (З. Фрейда – А. В., Е. П.) теорию путем наблюдений, поскольку она объясняет поведение человека в терминах бессознательных вытесненных желаний, а это можно совместить с чем угодно, что можно наблюдать» [14, с. 120]. Это является еще одним важным моментом критики психоанализа К. Поппером.

К. Поппер настаивает на том, что З. Фрейд выстроил теорию таким образом, что она в конечном счете оказалась нефальсифицируемой. Давая психоанализу шанс в будущем, он предполагает: «Я не сомневаюсь в том, что многое из того, что они (психоаналитики – А. В., Е. П.) говорили, имеет серьезное значение и вполне может со временем сыграть свою

роль в психологической науке, которая будет проверяемой» [13, с. 247]. Иными словами, психоанализ содержит интересные положения, заслуживающие внимания, но в форме, которая не является проверяемой, – в форме ненаучного, «метафизического» учения. Психоанализ перестанет быть псевдонаукой только в том случае, когда его теория станет проверяемой.

Вряд ли К. Поппера можно обвинить в каком-то преднамеренном лукавстве при систематическом отстаивании им собственных идей в контексте проблемы демаркации науки и метафизики. Однако в примечаниях ко второму тому «Открытого общества» он безо всякого намека на иронию вынужден признаться, что в «борьбе с метафизикой» мало толку, а многие метафизические системы привели к важным научным результатам. В этой связи он называет системы Демокрита, Платона, Н. Мальбранша и А. Шопенгауэра (весьма напоминающие систему З. Фрейда), представляющие собой *прекрасные структуры мышления* [12, с. 348]. На наш взгляд, в устах поборника чистоты науки и защитника рационализма это достойная похвала психоанализу.

Точку зрения К. Поппера в отношении интеллектуальной нечестности психоанализа поддерживал и другой представитель постпозитивизма И. Лакатос. Так, в работе «История науки и ее рациональные реконструкции» он, в частности, пишет: «Что касается психоанализа, Поппер был, безусловно, прав <...>. С точки зрения фундаментального попперовского требования строгости фрейдисты оказались в тупике, так как отказались уточнить те экспериментальные условия, при которых они отвергли бы свои базисные допущения» [8, с. 247–248]. Теорию психоанализа И. Лакатос называл исследовательской программой с «защитным поясом» и выработанным алгоритмом решения проблем. Он также подчеркивал, что психоанализ на любой стадии своего развития имеет нерешенные проблемы и нескрытые аномалии.

Так, например, философ науки А. Грюнбаум не соглашается с выводами, сделанными К. Поппером. Он считал, что З. Фрейд сделал предположения, которые могут быть фальсифицированы, самым важным из которых А. Грюнбауму представляется «аргумент совпадения». З. Фрейд предложил считать доказательством в пользу психоанализа терапевтический успех, утверждая, что лишь психоанализ может принести реальное излечение неврозов, поскольку только психоанализ находит глубинные

желания и мысли, которые «совпадают» с симптомами. По мере того как терапия вскрывает и уничтожает бессознательные желания, симптомы исчезают до тех пор, пока не пропадает сам невроз. З. Фрейд утверждал, что остальные терапевты могут добиться лишь частичного и временного успеха, поскольку не доходят до причины неврозов, принося незначительное облегчение посредством внушения.

А. Грюнбаум считает, что «аргумент соответствия» опровергает заявление К. Поппера о том, что психоанализ не является наукой, поскольку «аргумент соответствия» фальсифицируем. Следовательно, психоанализ можно считать наукой, и остается лишь вопрос о ложности или истинности его заявлений. Для того чтобы получить признание истинности согласно своим же собственным критериям, психоанализ должен продемонстрировать уникальный терапевтический эффект. Уникальный успех жизненно важен для аргумента соответствия, поскольку (если остальные психотерапевтические системы работают так же хорошо, как психоанализ) нет никаких оснований предпочесть сложный психоанализ более простым теориям. Окончательные выводы в решении проблемы научного статуса психоанализа сформулированы А. Грюнбаумом в статье «Теория Фрейда и философия науки». Он подчеркивает: «... подтверждение главных гипотез Фрейда возможно <...> преимущественно в ходе хорошо организованных внеклинических исследований» [5, с. 106].

Поскольку психоанализ невозможно эмпирически проверить с помощью научно-теоретического критерия, его следует отнести скорее к искусству интерпретации или герменевтическим методам. Можно указать три критерия проверки психоаналитических интерпретаций:

1) критерий соответствия: содержание сознания и его вербальное описание должны соответствовать друг другу;

2) критерий когерентности (связности): интерпретация должна быть когерентной сама по себе;

3) критерий практики: интерпретация должна подтверждаться жизненной практикой [7, с. 62].

Впрочем, и сам постпозитивизм, претендовавший на создание общепризнанной теории, описывающей строение и развитие (изменение) научного знания, оказался в подобном положении: кто сегодня может с полной ответственностью заявить, что проблемы, поставленные в рамках постпозитивизма, окончательно решены? Того постпозитивизма, который



от «научной чистоты» прародителя-неопозитивизма пришел к плюралистическому, мозаичному видению мира, науки и человека, к всегда спасительной междисциплинарности – последнему прибежищу разочарованных и уставших. К собственному концу.

Психоанализ, несмотря на критику, вышел сухим из воды. Это случилось, как ни парадоксально, благодаря фальсификационизму того же К. Поппера, поскольку рациональное обсуждение теорий состоит в критике, а не в доказательствах или попытках делать их вероятными: «Развивайте ваши идеи так, чтобы их можно было критиковать». И случилось это вопреки К. Попперу, но теперь уже через П. Фейерабенда, отбросившего идею демаркации и догматический фальсификационизм попперианцев, уверенных в том, что «законы природы лежат на поверхности, а не скрыты под толщей разнообразных помех» [17, с. 296]. Анархист П. Фейерабенд убежден (и нам кажется обоснованным это его убеждение) в том, что ненаучные методы и результаты всегда обогащали науку, в то время как процедуры, считавшиеся существенными элементами науки, незаметно отмирали или отбрасывались. Он приводит примеры с новаторским опытом Парацельса и критикой китайской медицины некоторыми «рыцарями попперианства», предсказывавшими ей скорую гибель [17, с. 307]. В подобном независимом положении оказался и классический психоанализ, воспринимаемый позитивизмом в качестве способа, не обладающего научной методологией, что можно квалифицировать как триумф именно сциентистского духа, правообладателями которого считали себя позитивисты.

Интересным является и отношение М. Полани к новым концепциям в философии и науке. М. Полани вполне обосновано можно считать основателем эпистемологической концепции «неявного знания», которая основана на осмыслении обыденно-практического знания и включает в себя опыт зрительного восприятия и опыт инструментальной деятельности, а также опыт социогуманитарного и художественного познания. В частности, в работе «Личностное знание» он пишет: «Враждебная аудитория фактически может даже сознательно отказаться рассматривать новые концепции (такие, например, как те, которые были введены Фрейдом, Эддингтоном или Райлом) именно потому, что ее представители опасаются, что эти концепции приведут их к выводам, которые для них неприемлемы» [11, с. 218].

Следует заметить, что выводы, сделанные позитивистами, не являются общепринятыми в полемике относительно психоанализа (и науки в целом). Многие теоретики считают требование фальсификации слишком строгим и таким, которое уничтожает любую новую теорию, прежде чем она реализует возможность своего развития.

Подобного мнения придерживается А. Уемов. Он пишет: «С тем, что критикуемые системы (А. Адлера, З. Фрейда – А. В., Е. П.) не фальсифицируемы в момент критики, можно согласиться. Но как доказать, исходя только из логической формы, если это не тавтология, что они не фальсифицируемы в принципе, т. е. в любой будущий момент времени? Поппер должен был бы в этом плане анализировать различные логические формы, но он этого не делает» [16, с. 92]. А. Уемов считает, что провести четкую демаркационную линию между наукой и псевдонаукой не представляется возможным, поскольку наука возникает путем постепенного (плавного) перехода от псевдонауки. Критерий демаркации, предложенный К. Поппером, практически не применим, поскольку отсекает от науки ее важные составные части.

Наиболее распространена точка зрения, согласно которой психоанализ является исключительно научной теорией, возникшей вследствие изучения конкретных опытных данных на стыке нескольких естественных наук. По мнению А. Белкина, психоанализ – это вполне зрелая наука, и уж во всяком случае «наука не в меньшей степени, чем физика» [1, с. 6]. Слово «философия» по отношению к психоанализу этими авторами вообще не употребляется.

Следующий подход объединяет сугубо научную детерминанту и «метафизическую» («псевдофилософскую»). Эти обобщения не могут объединиться в единую последовательную систему, а существуют лишь в виде разрозненных замечаний. Как считает А. Руткевич, стратегии приспособления психоанализа (к естественным или к социальным наукам) приводят к разрушению всего воздвигнутого Фрейдом строения. Поэтому большинство аналитиков избирает «страусову политику» и просто игнорирует все то, что пишут нейрофизиологи, этнографы или социологи. Но тем самым они неизбежно загоняют себя в своеобразное «гетто» даже в рамках медицинской корпорации, не говоря уж о более широком научном сообществе [15, с. 13].

Следует заметить: то, что психоанализ не является ни естественной, ни социальной наукой, еще не означает, что он ли-

шен всякого содержания и может быть просто отброшен как некая мифология. Психоанализ напоминает те древние учения, которые соединяли философскую спекуляцию с той или иной практикой психической саморегуляции [15, с. 13].

В противовес первым двум направлениям в исследовании психоанализа представители третьего подхода исходят из той предпосылки, что любая научная теория невозможна без изначально подведённого под неё философского базиса. Руководствуясь подобными рассуждениями, они выявляют некую основополагающую философскую идею, на которую опирается психоанализ. Однако здесь также сохраняется доминанта научности, и проблема заключается уже не в том, являются или не являются философами З. Фрейд и его последователи. Философами они являются уже потому, что при подобном рассмотрении наука оказывается неразрывно связанной с философией, а не определяются как философы по тому, какой мировоззренческий базис («приемлемый» или же «неприемлемый») они подводят под свои научные теории. Целью авторов подобных изысканий чаще всего является не беспристрастное описание психоаналитической философии, а полемика с положениями психоанализа, ведущаяся с мировоззренческих позиций, противоположных тем, которые предполагаются психоаналитическим учением. В силу этого в большинстве случаев психоанализ опять же обвиняется либо в неполноте, либо же в непоследовательности. Следующее направление представлено гораздо меньшим количеством работ по сравнению с теми, которые приведены выше. К этому направлению мы относим тех авторов, которые изначально рассматривают психоанализ вне декларируемой сциентистской определённости (В. Краус, М. Мамардашвили). Эти исследователи не оспаривают научности психоаналитической теории, но в то же время дают понять, что психоанализ ценен и вне поля приложения научных теорий. По мнению М. Мамардашвили, «психоанализ был действительно революцией в интеллектуальной инструментари, которым мы располагали к началу XX века. Есть ряд особенностей этой революции, которые роднят психоанализ в плане онтологических или философских проблем с аналогичными сдвигами и смещениями вообще в науке и способе мышления в XX веке» [10, с. 124].

Анализируя эти работы, можно сделать вывод, что психоанализ – мировоззренческая позиция, которая является

одной из сугубо научных концепций и подтверждает философскую идею. Психоанализ в данном случае не рассматривается ни как чистая наука, ни как наука на службе у философии. Он сам становится философией.

Ещё одно направление в исследовании психоаналитической традиции можно полностью отнести к десциентизации психоаналитического учения. Авторы, работающие в этом направлении (Р. Дадун и В. Лейбин), не просто рассматривают психоанализ в качестве философско-мировоззренческой концепции, но и делают попытки более полного описания всех элементов этого учения. Они производят реконструкцию проблемного поля психоаналитической философии, вписывая её в историко-философский процесс как одну из неотъемлемых его частей. Другое дело, что подобных работ ещё слишком мало, чтобы выражаемое в них мнение могло быть услышано всеми без исключения, тем самым потеснив господствующее на данный момент времени, навязанное исследованиями сциентистского толка представление о психоанализе, который не имеет никакого отношения к философии.

Выводы из проведенного исследования. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что взаимоотношения между психоанализом и философией весьма устойчивы и многогранны. Во-первых, философские идеи мыслителей прошлого оказали существенное влияние на становление и формирование психоаналитического учения З. Фрейда о человеке и культуре. Во-вторых, в своем органическом единстве фрейдовские представления о психической реальности и бытии человека в мире образуют психоаналитическую философию, оказывающую не меньшее влияние на общественное сознание, нежели другие философские течения. В-третьих, психоаналитические идеи все активнее вторгаются в различные направления современной философии. Можно с полным основанием говорить о том, что в ближайшем будущем психоаналитическое учение З. Фрейда о человеке и культуре не только не утратит своего влияния на развитие западной философской мысли, но и сохранит свою значимость в условиях сближения различных философских школ. Главное состоит в том, что психоаналитические концепции оказываются центром притяжения философов различных мировоззренческих ориентаций, независимо от того, насколько остро и принципиально они критикуют отдельные психоаналитические положения или, наоборот, некритически заимствуют основопо-



лагающие идеи З. Фрейда. Психоанализ будет продолжать обеспечивать самое исчерпывающее и ясное проникновение в душу человека, стимулировать исследования и понимание во многих областях человеческой деятельности. В связи с этим одной из важнейших задач является дальнейшее осмысление богатейшего корпуса психоаналитических идей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белкин А. Зигмунд Фрейд: Возрождение в СССР / А. Белкин. – М. : Внешторгиздат, 1989. – 448 с.
2. Бенвенуто С. Мечта Лакана / С. Бенвенуто ; пер. с англ. М. Колопотина, В. Мазина, Н. Харченко. – СПб. : Алетейя, 2006. – 172 с.
3. Витгенштейн Л. Культура и ценность / Л. Витгенштейн // *Философские работы*. – М. : Издательство «Гносис», 1994. – Часть 1. – С. 407–492.
4. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям» / Л. Витгенштейн ; пер. с англ. В. Суромцева, В. Иткина. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. – 256 с.
5. Грюнбаум А. Теория Фрейда и философия науки / А. Грюнбаум // *Вопросы философии*. – 1991. – № 4. – С. 90–106.
6. Карнап Р. Научное миропонимание – Веский кружок / Р. Карнап, Г. Ганн, О. Нейрат // *Журнал «Erkenntnis» («Познание»)*. Избранное. – М. : Издательский дом «Территория будущего»; Идея-Пресс, 2006. – С. 57–75.
7. Куттер П. Психоанализ: Введение в психологию бессознательных процессов / П. Куттер, Т. Мюллер ; пер. с нем. В. Николаева, С. Дубинской. – М. : Изд-во «Когито-Центр», 2011. – 384 с.
8. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции / И. Лакатос // *Избранные произведения по философии и методологии науки*. – М. : Академический проект; Трикта, 2008. – С. 201–281.
9. Лейбин В. Фрейд, психоанализ и современная западная философия / В. Лейбин. – М. : Политиздат, 1990. – 397 с.
10. Мамардашвили М. О психоанализе / М. Мамардашвили // *Логос*. – 1994. – № 5. – С. 123–140.
11. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с.
12. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К. Поппер ; пер. с англ. В. Садовского. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.
13. Поппер К. Предложения и опровержения. Рост научного знания / К. Поппер // *Логика и рост научного знания*. – М. : Прогресс, 1993. – С. 240–413.
14. Поппер К. Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия / К. Поппер ; пер. с англ. И. Журавлева. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
15. Руткевич А. Научный статус психоанализа / А. Руткевич // *Вопросы философии*. – 2000. – № 10. – С. 9–14.
16. Уёмов А. Критика принципа фальсификации К. Поппера и проблема системного подхода к демаркации научного знания / А. Уёмов // *Вопросы философии*. – 2008. – № 4. – С. 91–97.
17. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд ; пер. с англ. А. Никифорова. – М. : АСТ: МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 413 с.
18. Франк Ф. Философия науки. Связь между наукой и философией / Ф. Франк ; пер. с англ. Н. Воробьева. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 512 с.
19. Фрейд З. Сопrotивление психоанализу / З. Фрейд // *Автопортрет. Собр. соч. в 26 т.* – Санкт-Петербург : Восточноевропейский институт психоанализа, 2006. – Т. 2. – С. 193–205.